

ВНУТРЕННИЙ ОБРАЗ И ФОРМА ВОПЛОЩЕНИЯ (ГЕШТАЛЬТ)

КАЛФРИД ДЮРКХАЙМ

Каждому присущ внутренний образ себя самого. Реальность этого внутреннего образа проявляется как влечение, страстное желание и обязательство, направленное на определенную форму воплощения нашего личного бытия. Внутренний образ не следует понимать как рассматриваемую статически форму потенциально существующего субъекта. Это, скорее, динамическая формула, следуя которой наша, данная нам от рождения, надвременная и надпространственная “суть” стремится проявиться в пространственно-временных условиях нашей исторической жизни в поэтапной последовательности форм преобразования. Заложенное в нас в качестве внутреннего образа бытие проявляется исторически как формула преобразования, которую следует соблюдать. Но человек реализует свой внутренний образ только в той мере, в какой он созревает до такой своей общей организации, благодаря которой “колесо превращения” никогда больше не останавливается.

Человеческим духом движут силы страдания и сострадания, восхищения и стремления к завершенности и совершенству.

Мир, познанный и постигнутый в мысли, жизнь, избавленная от страдания, и осуществление идеала в действительном образе – именно к этим целям стремится движущийся из своих истоков человеческий дух. И теперь от того, как и насколько серьезно человек будет воспринимать себя – либо как предмет удивления и познания, либо как субъекта, нуждающегося в сочувствии и помощи ввиду своего страдания, либо в своем стремлении к самовоплощению, – зависит то, как будет действовать входящий в него дух. Дух имеет другую отправную точку и может видеть нечто другое. В зависимости от того, какой из трех импульсов нами преимущественно движет, мы каждый раз будем, исходя из этого, по-разному “познавать” человека, выделять в нем разные черты, препятствовать или помогать ему*.

* В этой статье отражен, в основном, опыт практической работы с людьми, а не результат теоретических исследований. Имеется в виду, прежде всего, психологическая и психотерапевтическая работа, которую автор вел совместно с доктором Марией Гиптус в Тодтмоосе в последние десять лет. Как и автор, Мария Гиптус с благодарностью вспоминает сегодня богатые идеи юбиляра в области гештальт-психологии. Статья “Внутренний образ

В первом случае движение духа направлено преимущественно на систему объективного познания, в которой описываются факты, и все существующее объясняется на этой основе и понимается в связи с нею. Во втором случае движение духа направлено на избавление от страдания. Это врачебный, терапевтический или душеспасительный аспект, который для теоретического и практического достижения цели требует совсем другой познавательной позиции. В третьем же случае происходит обращение к человеку, идущему собственным путем к самому себе. Здесь требуется руководство и сопровождение этого человека на пути в зрелость. В общих чертах, можно сказать, что перечисленные три способа характеризуют противоречивость ситуации, в которой находится сегодня “работа над человеком”. Составляя в основе своей одно целое, способы рассмотрения существуют отдельно друг от друга. Достаточно часто эти “три души” в груди одного и того же человека напряженно противостоят друг другу или же взаимно преследуются “представителями” различных направлений в психологии. Сколь часто “научный” психолог, продолжающий в университете великую традицию, рассматривает результаты практической психологии (например, глубинной), полученные в практике терапевтической помощи, весьма сдержанно и, часто, лишь в той степени, в какой полученные выводы могут быть включены в систему уже существующих проблем и понятийных структур, особенно, если этот психолог интересуется чистой теорией. И, наоборот, переживающие за страдающего человека врач, психотерапевт или духовный пастырь часто глубоко разочарованы в непродуктивности классической психологии, с точки зрения стоящих перед ними практических задач и продолжения своего образования. При этом они могут несправедливо отвергать то, что имеет совсем другой смысл. А, кроме того, оба подвергаются еще и жесткой критике со стороны третьего – того, кто стремится привести человека к его внутренней сущности. В свою очередь, этот третий подвергается нападкам со стороны тех, для кого зрелость человека не играет существенной роли как таковая и, по меньшей мере, не признается как реальность, как нечто включенное в каждое проявление жизни. И до конца ему не доверяют главным образом потому, что зрелость и учение о зрелости невозможны вне категории трансцендентального опыта и переживаний, которые не поддаются “научному” рассмотрению в обычном смысле слова.

... Любому такому стремлению так или иначе помочь человеку суждено долгое время оставаться непродуктивным, если в основе своей оно остается на поверхности фиксируемых и абстрактно понимаемых явлений, не решаясь распространить “эмпирию” на область более глубоких переживаний.

и форма воплощения” была написана специально для сборника о Феликсе Крюгере (1874-1948), директоре Института экспериментальной психологии в Лейпциге, основателе так называемой “Лейпцигской школы” в психологии, стоящем у истоков гештальт-психологии (Прим. ред).

Поэтому любое стремление познать, исцелить или направить человека по определенному пути должно строиться на опыте, который показывает, что в сути, существе человека пытается проявиться со всей полнотой и единством *надвременное и надпространственное бытие*. Иначе говоря, форма жизни человека – это тот способ, каким присутствующее в нем как “сущности” бытие могло бы при определенных условиях пространства и времени проявиться, т.е. воплотиться*.

Бытие приобретает в человеке особую форму воплощения постольку, поскольку в этой форме находит свое жизненное выражение осознавший себя и мир субъект. Напряжение, возникающее между *безусловным бытием*, которое как “сущность” стремится проявиться в человеке, и жестко *обусловленным существованием* образует нерв жизни зрелого субъекта**. Это взаимодействие между бытием и существованием переживается людьми, прежде всего, как мука напряжения между внешней обязанностью и внутренним долгом, но также как сознание свободы, позволяющей перерасти и преодолеть обусловленное. Безусловного человека отличает то, что в своем существовании он не только включен в структуру причинных закономерностей, но и ввиду своей принадлежности к безусловному бытию пользуется определенной свободой.

Человек – в определенном и ограниченном пространстве и временем мире, в условиях, когда постоянно существует угроза форме воплощения его существа, в условиях, которые препятствуют доведению до совершенства его личности и его мира и которые подвергают опасности единство с самим собой и с другим человеком... Так происходит осуществление той формы воплощения, к которой он предрасположен, исходя из своей сути.

... Жизнь – это долгий спор между предзаданной формой бытия и ее воплощением в судьбе. Их “сопоставление”, “соединение вместе” – тема зрелости человека. Под нажимом обстоятельств возникает подавление, искажение, блокирование развития, соответствующего сути. Форма существования человека никогда не бывает прямолинейным проявлением воплощенного в ней бытия. Существование человека – это всегда уравнивающий результат различных судьбоносных условий, которые не позволяют непосредственно и полностью осуществиться заложенной в нем форме бытия, и каждый человек стремится к совершенно определенному способу воплощения жизни, благодаря которому она могла бы стать совершенной реализацией его сути. Человек хочет не только жить, но и осуществить и завершить себя в качестве кого-то определенного. По идее, он всегда хотел бы быть верным, непоколебимым свидетелем того бытия, которое стремится проявиться в его сути.

* Ср.: Дюркхайм “Под знаком Великого опыта”, “Прорыв сущности”, “Переживание и превращение”.

** На протяжении всей статьи бытие понимается как категория безусловного, а существование как категория обусловленного внешними воздействиями (например, со стороны общества в целом, семьи и т.д.) (Прим. ред.).

Под “*сутью*” человека мы понимаем ту индивидуальную манеру, индивидуальный способ, каким он участвует в надвременном и надпространственном бытии, или то, каким способом это бытие стремится индивидуально проявиться в человеке, точнее сказать, “в качестве” этого человека. Из данной ему от рождения сути он познает никогда не ослабевающее влечение, обязанность, звучащую в нем как совесть и вечное стремление к самоосуществлению. Но бытие, воплощенное и открывшее себя в существовании без искажений, возможно лишь при соответствии между тем, чем человек “является” изначально, исходя из своей сути, а стало быть, в надвременном и надпространственном бытии, и тем, чем он становится (соответственно, в пространственно-временном смысле) в условиях своего существования, – находясь всегда в состоянии “перехода”. То, что в процессе всякого становления проявляет свою реальность как единое, выражаясь каждый раз в стремлении, долге, настойчивом влечении к некоторой определенной форме, мы называем *внутренним образом*. Этот внутренний образ и есть, таким образом, “суть” человека, понимаемая как влекущая, обязывающая и определяющая формула становления заложенной в нем формы воплощения жизни. Для живущего в нас внутреннего образа характерно, что он доказывает свою реальность в той безусловности, с которой при всех обстоятельствах неизменно сохраняет свое притязание на осуществление и проявление в какой-то определенной форме воплощения – будь то инстинкт жизни, либо никогда не смолкающее влечение, либо абсолютные требования совести.

Прямолинейному проявлению внутреннего образа у всех живых существ препятствуют внешние факторы. У человека же к внешним факторам добавляются и внутренние. Растения и животные сами по себе не оказывают никакого сопротивления становлению того жизненно закономерного, что должно быть. Они просто дают осуществиться в текущей форме воплощения и в ходе своего роста, созревания и плодоношения действующему в них внутреннему образу. У человека же, напротив, при этом присутствует еще и сознание. Он каждый раз как *кто-то определенный* способствует или препятствует своему самоосуществлению и разделяет ответственность за это самоосуществление. Как *кто-то определенный* он отвечает на некий призыв, обращенный именно к нему и никому другому, когда называют его имя. Лишь как носитель имени человек приобретает свою человеческую форму воплощения, является и становится “личностью”, через которую бытие формирующе и требовательно придает всему определенный оттенок. И как *личное “Я есть”* человек отвечает на зов своей сути.

Но прежде, чем мы детальнее рассмотрим значение этого фактора для соотношения между внутренним образом и формой воплощения, необходимо ответить на вопрос, какой смысл мы вкладываем в понятие “*форма*”

воплощения” человека? Если под этим термином мы понимаем тот способ, каким внутренний образ человека “присутствует” в мире, то “формой воплощения”, собственно говоря, всегда можно считать что-то, где присутствует этот внутренний образ, но при условии, что такого рода присутствие обнаруживает себя, как правило, лишь “в той или иной мере”. Оптимальной формы своего воплощения определенный человек достигает там и тогда, где он оказывается способным дать проявиться своему внутреннему образу в наиболее чистой и неколебимой форме, а именно сугубо человеческим образом, т.е. исходя из *свободы* и *сознания*.

Прямой, механический перенос понятия “образ воплощения” из области застывших пространственных форм в сферу рассмотрения человека как сознательного существа, разделяющего ответственность за способ своей жизни, ведет к заблуждению. Этот перенос приводит к механистическому представлению о теле, не имеющему ничего общего с тем, что связывается с мыслью об истинном осуществлении человека. Причина, объясняющая возможность подобного переноса, в результате которого представление об активной роли субъекта в воплощении “внутреннего образа” сводится к поверхностному пониманию “образа человека”, кроется в природе нашего предметного сознания, основанного на превалировании зрительного и гапгического (хватательного). При этом кажется, что этот поверхностный “облик” не есть лишь некое сиюминутное образование, – возникает искушение рассматривать тело как застывшую форму. Точно так же можно понять, почему представление “совершенного” или “законченного”, которое справедливо для геометрических фигур (например, для совершенного круга), переносится на представление об оптимальной форме человеческого воплощения. Здесь особенно откровенно проявляются и свойства предметного мышления, и специфическая черта западного духовного склада (только европейская культура, пожалуй, единственная в мире, вновь и вновь обращается к идее совершенной формы воплощения *тела*). Вспомним хотя бы о шедеврах классического искусства, а вместе с тем и о том, что на Востоке едва ли можно найти изображения обнаженного человека, созданные ради его “красоты”. Словом, ничто не имеет столь первостепенного значения для правильного понимания формы человеческого воплощения и его совершенства, как отказ от всех представлений, проистекающих из области пространственных форм воплощения, которые господствуют в предметном мире или искусстве и переносятся на живого человека. Где бы ни рассматривался и ни представлялся человек статически, собственно человека всегда *упускают* из вида. Это происходит и там, где форму его воплощения путают с телом. Форма воплощения живого человека – это, скорее, способ, каким он как субъект осуществляет себя в жизни и, следовательно, воплощается в поступательном и прогрессивном преобразовании.

Этой непрерывно преобразующейся форме чужды и все образы, взятые из области нечеловеческих временных форм (например, из музыки). Ибо учение о человеке принадлежит не к гуманитарным наукам, противопоставленным естественным, а представляет собой особую науку – “науку о человеке”.

“Статическое упущение”, касающееся человека, имеет отношение не только к его явно видимому облику, но и к тому представлению, которое мы составляем о его “сути”. Эта “суть” также часто рассматривается как нечто застывшее и имеющее пространственную форму. Напомним, что “суть”, как и “внутренний образ”, принадлежит к области безусловного, надвременного и надпространственного бытия. А, как известно, для предметного мышления естественно представлять безусловное бытие в виде освобожденного и предопределенного всему пространственно-временному, в образе “вечно длящегося”, “незыблемо устойчивого” в противоположность “преходящему, брэнному существованию”. Но так мыслить – значит, перечеркивать бытие, находящееся над противоречиями, над пространством и временем в пространственно-временном бесконечном (в противоположность конечному как пространственно-временному *ограниченному*). Это лишь типичное выражение той степени сознания, над которой доминирует позиция фиксирующего и вращающегося в противоречиях “Я”. И другое: проявление бытия, которое мы называем “жизнью” и пространственно-временные формы которого определяем как “формы живого”, приобретает форму воплощения только как форма воплощения *жизни*. Рассматривая эту жизнь, следует принимать внутренний образ не как “форму”, а, скорее, как “формулу”, следуя которой, надпространственная и надвременная сущность стремится открыться в пространственно-временном проявлении*.

Надвременное и надпространственное бытие проявляется в пространственно-временном субъекте бытия как формула его преобразования. Поэтому даже “совершенная форма воплощения” живого существа никогда не может быть окончательной формой – в статическом смысле. В общем плане целого она всегда только достоверно закреплена “формулой”, которая обеспечивает проявление сути в окружающих условиях. И правильная, если можно так выразиться, форма воплощения – это соответствующая сути формула становления, а не окончательная форма человека. Быть может, именно это метко подмечено в афоризме Экхарта: “*Бытие Бога – наше становление*”. Это означает, что суть человека как способ божественного бытия может проявиться каждый раз только в становлении. Оптимальной же формой воплощения человека была бы все же та форма, в которой бытие могло бы проявиться все более чисто, благодаря нескончаемому созреванию и пре-

* Ср. Дюркхайм: “*Bild und Weg im Wesen der Menschen*“ (“Образ и путь в сущности людей”) в “*Der Menschen im Spiegel der Hand*“ (1955), O.W.Barth, Munchen.

вращению. И тогда уже ничто не могло бы противодействовать *вечному превращению*, которое проявляет бытие в существовании. Именно здесь заключена проблематика становления формы воплощения человека. Решающую роль в данном случае приобретает нечто установившееся, противостоящее становлению и превращению.

По сути дела “существование” (*Da-sein*) означает для человека, что он правильным образом “*есть тут*” как человек, а это значит – как носитель человеческого сознания. Следовательно, именно как сознательное существо он должен не препятствовать бытию. В общей организации его сознания бытие должно иметь возможность проявляться в никогда не превращающемся процессе превращения. Такой общей организацией могла бы быть только “*зрелость*”. В состоянии зрелости человек приносит свой плод.

Следовательно, действуя в своей манере, он способен путем созревания в нем человечности свидетельствовать о божественном бытии, которое зажигается в нем как сознание и, продолжая гореть, излучает свой свет в мир.

В традиционной науке о человеке, для которой понятия “субъект–бытие”, “созревание” и “становление прозрачным”^{*} не играют особой роли, подобные утверждения могли бы звучать весьма “метафорично” и даже “мистически”. Более того, для многих все это означает что-то весьма “несущественное” и, уж во всяком случае, “ненаучное”. Тем не менее, сформулированные выше утверждения относятся к сфере поддающегося проверке человеческого опыта, хотя и опыта особого рода. Серьезному, достойному отношению к такому опыту препятствует, однако, бытующая ныне структура сознания и познания человека. С другой стороны, именно структура сознания человека в ходе развития делает его самостоятельным, контролирующим свое существование, познающим факты “Я-существом” (*Ich-Wesen*)^{**}. Сознание отличает человека от животного. Если же он запутывается в этой совершенно “естественной” форме воплощения оболочки своего “Я”, тогда он противодействует пониманию, осознанию бытия. И все же:

К форме воплощения человека как существа, обладающего сознанием, относится сознание “Я-мира”^{***}, формирование того “Я” и положения “Я” (*Ich-stand*), исходя из которого, человек, фиксируя, дифференцируя и констатируя, “предметно” постигает жизнь и сам осваивает для себя мир, ухватившись за определенную точку опоры и сохраняя ее. В противопоставлении исходного единства устанавливается, с одной стороны,

^{*} Человек становится прозрачным для “излучения” света своей внутренней сущности (*Прим. ред.*).

^{**} Т.е. человеком, обладающим силой “Я”, способным сказать: “Я” (*Прим. ред.*)

^{***} Т.е. сознание, что “Я живу в мире”. Это, хотя и необходимый, но все же низший уровень существования, где человек идентифицирует себя со своим “Я”, в отличие от высшего уровня бытия, где заключена его подлинная сущность (*Прим. ред.*).

центр сознания – чувствующее себя идентичным с самим собой “Я”, и, с другой стороны, застывшая в этом “положении” пережитая жизнь, превратившаяся в мир предметов – противоположений. Только в том случае, если человек сформирует свое “Я” и сопряженный с ним мир, он становится человеком, который способен обрести свою форму воплощения, а окружающий мир станет его миром, с присущей этому миру и связанной с данным человеком пространственно-временной определенностью. Но чем сильнее твердеет структура “Я-мира” (*Ich-Welt-struktur*) и чем больше человек впадает в иллюзорное состояние, идентифицируя “действительность вообще” только с предметно ощущаемой и постигаемой действительностью, и чем сильнее он пытается удержаться в такой устойчивой концепции и сохранить себя в ней, тем сильнее он изолирует себя от постижения, сознания бытия, возможного только в вечном преображении. И, затвердевая все сильнее, привязанный к своему положению “Я-мир” (*Ich-welt-stand*), он теряет свой путь, ведущий к зрелости, а тем самым и предназначенную ему форму воплощения. Свой путь человек в определенной мере может вновь найти лишь, когда ослабнет судорожное напряжение его плена в прочной оболочке “Я” – и он пойдет долгим обходным путем через новое рождение “Я” к становлению из внутренней сущности нового своего качества. Лишь посредством такого нового становления, поднимаясь от глубинной основы, человек в своем “положении Я” (*Ich-Stand*) может снова стать прозрачным для бытия. И точно так же “Я” в своем “Я-мире” сможет позволить существованию стать прозрачным для бытия*. Большие неврозы и их исцеление, как ни что иное, иллюстрируют, что означает “неверная форма”, а что – “прорыв к сущности” и к подлинной форме воплощения.

В каждом человеке притязание сущности нацелено на осуществление индивидуальной формы его жизненного воплощения. Сущность стремится к четкой реализации формулы становления, благодаря чему для человека становятся все понятнее, прозрачнее он сам и мир во всех его действиях и проявлениях, чтобы, в конечном счете, стали возможными полнота воплощенности божественного бытия в жизни этого отдельного человека. В тех случаях, когда в ходе развития сознательной жизни угнетается, искривляется, лишаясь возможности находиться в контакте с человеком, то, что этому человеку, исходя из его сути, присуще и что звучит в нем как сильное стремление и как определенное внутреннее обязательство, – возникает некая суррогатная форма воплощения сути**. Под давлением обстоятельств или по причине ложного самоутверждения человека эта сур-

* Это можно сравнить с обрезкой старого, большого винограда вплоть до самого основания, откуда потом вырастает новый, здоровый и сильный побег.

** Т.е. не подлинная форма, а заменяющая ее искаженная форма, которую, однако, сам человек считает подлинной (Прим. ред.)

рогатная форма может все более укрепляться, став затем в определенной мере очагом мучительных нарушений (как физических, так и психических). Таким образом, развитие, отвечающее сущности, встречается с трудно преодолемым препятствием и “колесо превращения” останавливается. Всюду, где бы затем ни обыгрывалось и не закреплялось такое суррогатное решение, которое формируется ради самосохранения, в условиях травмирующей ситуации или под давлением враждебных обстоятельств, возникают те длительные нарушения, которые мы называем неврозами или невротическими механизмами.

Для “эмпирического” понимания напряжения, возникающего между природой и сверхприродой, в состоянии которого все более ясно осознающий себя человек либо созревает до формы своего воплощения, либо упускает ее, наверное, ничто другое не является настолько благодатной почвой, как неврозы и их исцеление. Исцеление в данном случае заключается ни в чем ином, как в освобождении человека от “самодвижения” той формы воплощения жизни, которая, будучи обусловленной только миром, мешает человеку через умирание отвердевшей формы своего “Я” что найти путь к новой, соответствующей сути, форме жизненного воплощения. Но и после этого найденная форма воплощения становится “сутью” лишь в той мере, в какой она наделена соответствием обусловленного существования и безусловного бытия и в какой она вошла в сознание личности, то есть стала познанной, испытанной и пережитой. Невротика чаще всего грозит крах из-за того, что его судьба, форма воплощения которой возникла под давлением обстоятельств, препятствующих развертыванию сути данного человека, похожа на панцирь, который, хотя и создал, пусть мучительный, способ выстоять в мире, но, наряду с этим, представляет собой блокирующее препятствие по отношению к человеческой сути. И тогда индивид, отрезанный в своем сознании от бытия, начинает вести несчастную жизнь, полную страха, чувства вины и отчаяния, глубокого разочарования в смысле бытия, вне контакта с самим собой и с миром. Никакая надежность мира, никакое рациональное толкование происходящего и никакое мировое сообщество не могут здесь что-либо изменить и вернуть человеку уверенность в себе, его чувство безопасности. Исцеление возможно только посредством нового открытия глубинной основы над-мирового бытия. Но чтобы суть вновь смогла раскрыться человеку и чтобы он в новом единстве с бытием опять смог найти дорогу к исходным чувствам первоначальной уверенности, первоначальной веры и первоначальной защищенности, затвердевшая, противоречащая сути форма существования должна уйти, а соответствующая жизни форма воплощения – суметь сформироваться. Дать возможность обусловленного существованием, но противоречащей сути форме жизни уйти и допустить прозрачную для бытия, соответствующую

сути форму воплощения жизни – вот смысл большой терапии*. Большая терапия никогда не остановится на устранении какого-либо одного нарушения ради снятия боли или для восстановления работоспособности. В гораздо большей степени здесь речь идет о ведущем к обретению зрелости утверждении: “Умри и Стань”. Побудить человека начать претворять это утверждение в жизни, дать ему возможность пережить подобное состояние и выдержать до конца – все это возможно для духовного руководителя только в той мере, в какой он сам испытал такое полное преображение. Он должен испытать на самом себе, что есть смерть, направленная к новой жизни, и, тем самым, неизбежно преодолевающая саму себя. Он должен почувствовать, что та “жизнь”, из-за которой “в этом мире” придется умереть, так же, как и принадлежащая ему суть, происходит из совсем другой области реальности, чем “Я”, заточенное в сформированном судьбой теле. И только, если он окажется в состоянии почувствовать и принять “суть” другого как способ, стоящего над противоречиями бытия, увидеть эту “суть” в ее идеальном воплощении и пристально удерживать этот образ в поле своего зрения, он сможет по-настоящему сопровождать другого на его пути.

И только тогда он сможет сохранить собственную целостность в ходе сотрясающего все до основания процесса преобразования и при наплыве содержаний, идущих из бессознательного, которые не могут не оказывать на него действительно глубокого воздействия. К подобным переживаниям следует относиться серьезно, хотя они часто обнаруживают себя в образах, голосах, состояниях и манере поведения, которые, с точки зрения нормального сознания, ошибочны и, следовательно, не могут быть включены в существующую систему понятий.

И если нуждающийся в помощи человек, получив поддержку, сумеет принять то, что поначалу звучит как бы со “стороны” и, следовательно, будто что-то чуждое, и целиком доверившись, решится “войти” туда, он, выйдя оттуда как “преображенный”, то есть снова скрепившийся корнями с сущностью, сможет “родиться снова”.

Для познания человека и предназначенной ему формы воплощения особенно важно то, что открывается в ходе исцеления от глубоко коренящихся неврозов (а как раз страдание от неврозов часто дает начало большому процессу преобразования и созревания). “Стена” невротика, о которую ломается, в конце концов, деформируясь, жизнь, – это только пагубное усиление нормальной структуры сознания, где центром выступает фиксирующее, настроенное на “факты” и нацеленное на самосохранение “Я”, – структуры, нарушающей правильное развитие. Это происходит всякий раз,

* Калфрид граф Дюркхайм различает “малую терапию”, направленную на устранение симптомов и следствий болезни, и “большую терапию”, целью которой является исцеление на основе постижения ядра сущности человека (Прим. ред.).

когда образующееся в ней “понятие” о жизни и мире закрепляется и твердеет. Как неминуемо, о чем уже говорилось выше, эта структура сознания служит предпосылкой любого рационального овладения жизнью и, таким образом, любого становления человека, так же неминуемо она становится барьером на пути к зрелости везде, где она абсолютизируется. Потом это находит отражение в признаках незрелости человека, вплоть до “кризисов”, во время которых жизнь приходит в состояние мучительного бездействия. Неконструктивность, неуравновешенность, закостенелость, нерешительность, ограниченность и сверхчувствительная обидчивость, точно так же, как и любая форма лабильного чувства собственного достоинства, когда человек проявляет внутреннюю зависимость от общественного мнения, – все это явные признаки того, что человек еще далек от формы становления, соответствующей его сути.

В процессе подобного преобразования человек даже внешне меняется. Голос становится ниже, цвет лица – немного темнее, выражение глаз – полнее и глубже, движения – более округлыми, весь их ритм – более спокойным и в то же время лучше организованным. Изменяется дыхание, тонус становится более ровным, и вся осанка приобретает новый центр тяжести. Весь человек, а не только его тело, находит правильный “центр тяжести”. С другой стороны, вместе с пробуждающейся и, соответственно, становящейся все более утонченной совестью*, а также одновременно с окрепшей уверенностью, позволяющей чувствовать, какой именно должна быть новая форма становления, человек обретает еще и ощущение, насколько форма его тела, его плоти соответствует его сути. Это – нечто существенно большее, нежели только осознание своего тела. Заложенная во внутреннем образе правильная форма воплощения тела – это и правильный способ существовать (“быть здесь”) во плоти, т.е. способ, каким человек присутствует “здесь” действительно как персональный субъект.

Что бы ни случилось с человеком, если он в этом смысле находится в правильно воплощенной внутренней организации, то каждое новое столкновение с опасностью, абсурдностью или жестокостью жизни приносит свои плоды. Цел и невредим тот человек, у которого все становится внутренне цельным и благополучным. В этом смысле умирающий человек может пребывать в правильной воплощенности своего человеческого бытия, а совершенно здоровый – в неправильной.

Для правильно воплощенной внутренней организации характерно то, что, не теряя подвижности, не “цепenea”, человек всегда способен проникнуть в суть мира и увидеть его таким, каков он есть. Почему? Потому что он пронизан для своей сути и достаточно открыт, чтобы почувствовать ее. Он способен проявить ее в любых условиях, существующих в мире. Проявить

* Или возникающим у человека чувством, что он не может иначе (*Прим. ред.*).

как спокойствие, состояние радости и доброты. Как и любое проявление жизни человека, эта “манера держать себя” либо есть в теле, либо нет. Не бывает созревания на пути самореализации без постоянно дифференцирующегося сознания того, соответствует ли существование в теле требованиям внутреннего образа или оно противоречит им. Во всех жестах человека, в его тонусе, дыхании и в манере держать себя в целом со всей очевидностью проявляется его отношение к миру и к самому себе, место, занимаемое им между небом и землей. Поэтому тело и его общее строение являются не только никогда не иссякаемым источником самопознания, но и наиболее доступной для нас и легче всего контролируемой областью, где можно “упражняться в правильной внутренней организации”. В этой связи особое значение приобретает решающее для познания и развития человеческой формы воплощения *понятие середины*.

Восток больше знает о середине, чем мы, европейцы. Японцы в особой своей культуре, называемой “хара”, создали упражнение, особенно важное для тех, кто стремится достичь зрелости. *Хара** дословно означает “живот”. Это понятие предполагает такую свойственную всем людям внутреннюю организацию, в которой мы некоторым образом центрированы: свободные от принуждения извне и от чар застывшего в своей форме “Я”, мы открыты для сил бытия и можем проявить их в мире. Без центра “хара” нет зрелости, а, следовательно, нет и соответствующей сущности формы воплощения.

Внутренний образ человеческого бытия – это нечто иное, нежели внутренний образ человека, направленный на осуществление некоторой, соответствующей сущности, формы становления. Внутренний образ человеческого бытия также направлен на определенную форму воплощения жизни. Но эту форму мы сможем увидеть только тогда, когда признаем, что совершенного выражения внутреннего образа не существует. Ведь, как известно, для существования человека глубоко характерно, что он лишен совершенной формы становления. Процесс созревания и приношения плодов никогда не останавливается. Судьба человека, воплощенная в условиях пространства и времени, а также сознание Я-мира, направленное на нечто “длящееся”, постоянно будут блокировать тяжестью своего установившегося состояния (*Gewordenheit*) идущую из сути тенденцию “непрерывного становления”. И когда под влиянием “идеи совершенной формы воплощения” этот неминуемый факт остается незамеченным, возникает та идеалистическая фальсификация “правильной формы воплощения”, которая по необходимости вызывает своего оппонента в циничных “продуктах экзистенциализма”*. Правильный внутренний образ человеческого бытия, на-

* Ср. Дюркхайм: *“Haga, die Erdmitte des Menschen”* (“Хара – средоточие земли в человеке”), *Otto-Wilhelm-Barth-Verlag, Munchen-Planegg*, 2. Aufl. 1959.

* Под “циничными продуктами экзистенциализма” Хайдеггер понимал прежде всего французский экзистенциализм Сартра и Камю.

против, может быть осуществлен; но это возможно только там, где человек готов покорно нести бремя установившегося (*Gewordenheit*) и связанных с ним искажений внутреннего образа, не переставая при этом стремиться к совершенству. Следовательно, человек только тогда вступает на путь, ведущий к возможной для него оптимальной форме воплощения, когда он, не переставая напряженно бороться за совершенствование воплощения своего внутреннего образа, все же обладает смиренным спокойствием, позволяющим осознать и принять себя в несовершенной форме, в какой он всегда пребывает. Свой внутренний образ, а также внутренний образ своего индивидуального бытия (*Wesenheit*) человек осуществляет на материале своей воплощенной судьбы в той мере, насколько он может победить и преобразовать ее. Внутренний образ бытия человека осуществляется там, где человек во всем своем стремлении к совершенству принимает свою, существующую в данный момент судьбу как она есть, и в этом своем установившемся состоянии может стать прозрачным для бытия.

Осуществление внутреннего образа бытия можно наблюдать у человека, который умирает правильно: он способен освободить то, что предназначено для ухода, и, таким образом, в уничтожении своей формы существования может сам еще быть прозрачным для бытия. Здесь следует указать на особый, потрясающий опыт, который выпадает тому, кто мог присутствовать рядом со смертью. Всякий раз происходит то, что умерший продолжает особенным образом изменяться. Многие были свидетелями того, как после смертельных судорог и конвульсий, которые часто вызывает агония (потому что именно это освобождает цепляющееся за мир “Я”), происходит то преобразование в лице умершего, которое мы называем просветлением лица. Волнующий переход от искаженного выражения на лице человека, до последнего момента естественным образом борющегося за свое существование в мире, в это сверхъестественное просветление лица становится как бы “последним” указанием на два противоборствующих в человеке противоположных принципа. Один из них означает попытку удержания и хватание за существующее (*Seiende*), а другой в своем высвобождении свидетельствует о чем-то “сверхсуществующем”. Лишь в борьбе этих двух начал, как бы в напряжении обоих принципов, живой человек может осознать себя самого как субъекта, как личность и найти свою форму воплощения. Когда он умирает, связанное с миром “Я” часто еще цепляется за жизнь, даже когда сознание едва ли уже существует. Когда “Я” умолкает, еще раз вспыхивает суть, надмировая суть. И только тогда, когда она затем как бы отойдет, человек будет не только умершим, но и мертвым. Форма же мертвого – труп – не имеет уже ничего общего с формой, в которой для нас здесь был воплощен человек.

*Перевод с немецкого **Я.Л.Обухова**;
редакция русского варианта статьи
осуществлена под руководством
Томаса Шинделина,
сотрудника Центра экзистенциально-инициальной пси-
хотерапии (Рютте, Германия)*